12+

Ким Верес

Код Доступа: Уязвимость

Кир Верес

Код Доступа: Уязвимость

https://litres.ru/74835188
ISBN 9785007164122

Аннотация

Вторая книга трилогии «Код Доступа». Мир спасён? Кай перезапустил ядро системы, но цена оказалась выше, чем он думал: воспоминания тают, а сеть швов начинает умирать. Вдобавок кто-то методично стирает узлы реальности. Чтобы остановить неизвестного врага, Каю придётся вернуться в ядро — и на этот раз заплатить гораздо больше.

Содержание

Пролог. Тот, кто смотрит 5
Глава 1. Тот, кто остался 7
Глава 2. Утраченный шов 10
Глава 3. Комната без окон 12
Глава 4. Тот, кто стирает 17
Глава 5. Женщина у шва 24
Глава 6. То, что пришло 32
Глава 8. Карта Векса 47
Глава 9. Перезапуск 56
Глава 10. Следующая фаза 64
Глава 11. Тот, кто стирает 69
Конец ознакомительного фрагмента. 73

Код Доступа: Уязвимость

Кир Верес

© Кир Верес, 2026

ISBN 978-5-0071-6412-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Тот, кто смотрит

За три недели до перезапуска ядра, в комнате без окон, где не было ничего, кроме стола и стула, сидел человек и смотрел на экран.

Экран был старым — из тех, что делали до кристаллических носителей, с толстым стеклом и зеленоватым свечением. На нём бежали строки. Медленно. Ровно. Как вода в канале.

Человек читал. Он читал уже много часов — с тех пор, как в журнале системы появилась запись о несанкционированном подключении. «Объект 7-Д. Шов класса Альфа. Уровень угрозы: внедрение».

Он прочитал всё. Каждую строку. Каждую команду. Каждый след, который оставил мальчишка из Нижнего кольца. Он видел, как тот трогал швы. Как открывал их. Как вошёл в ядро — и закрыл его. А потом — перезапустил.

Человек откинулся на спинку стула. На его лице не было эмоций. Только усталость. И что-то ещё — то, что бывает у человека, который слишком долго ждал и наконец дождался.

— Значит, ты всё-таки появился, — сказал он вслух. Голос был тихим, хриплым, как будто им давно не пользовались. — Я знал, что ты придёшь.

Он протянул руку — и коснулся экрана. Пальцы оставили след на стекле.

— Ты думаешь, что победил. — Он улыбнулся. Слабо. Без радости. — Ты думаешь, что перезапустил систему. Что вылечил её. Что дал миру шанс.

Он помолчал.

— Но ты не знаешь, что такое система. Ты не знаешь, зачем она создана. Ты не знаешь, кто стоит за ней.

Он поднялся. Подошёл к стене. Нажал на скрытую панель — и стена отъехала в сторону, открывая проход. За ним был коридор. Длинный. Тёмный. Ведущий вниз.

Человек шагнул в коридор. И закрыл за собой дверь.

— Ты не знаешь, что такое контроль, — сказал он в темноту. — Но скоро узнаешь.

Глава 1. Тот, кто остался

Кай проснулся от холода.

Это было странно. В квартире Леи всегда было тепло — старая печь работала исправно, пледы были толстыми, а стены хранили тепло, как хорошая память. Но сегодня утром что-то было не так. Холод шёл изнутри. Как будто кто-то выключил обогрев в его собственных костях.

Он сел на диване. Потёр лицо ладонями. Посмотрел на свои руки.

Они были бледнее, чем обычно. Не белые — просто… менее живые. Как будто кровь в них текла медленнее. Как будто часть тепла ушла — и не вернулась.

Кай сжал кулаки. Разжал. Сжал снова. Ничего не изменилось.

Он встал. Подошёл к окну. За стеклом Нижнее кольцо выглядело как всегда — серое, облупленное, забитое людьми. Но что-то было не так. Кай не сразу понял, что именно. А потом понял.

Тишина.

Обычно утром Нижнее кольцо гудело, как улей: торговцы орали, дети кричали, где-то играла музыка, где-то ругались соседи. А сегодня было тихо. Не мёртво. Просто… приглушённо. Как будто кто-то убавил громкость.

Кай закрыл глаза. Коснулся сети вниманием.

Сеть была на месте. Швы пульсировали. Линии светились. Всё было… нормально. Но не совсем. Кай чувствовал что-то ещё. Что-то, чего не было раньше. Как будто в сети появился новый узел. Маленький. Тихий. Но живой.

Он открыл глаза. Нахмурился.

— Что-то не так, — сказал он вслух.

— Ты о чём? — Мира появилась в дверях. Растрёпанная, в пижаме, с карандашом в волосах. — Опять не спал?

— Спал. — Кай посмотрел на неё. — Просто… что-то изменилось.

— Что?

— Не знаю. — Он покачал головой. — Пока не знаю.

Лея вернулась к обеду. Она выглядела усталой — сильнее, чем обычно, — и в её глазах было что-то, чего Кай не видел раньше. Тревога.

— Плохие новости, — сказала она, садясь за стол. — Я была в архиве. Проверяла записи о швах.

— И что?

— Кто-то их меняет. — Лея открыла терминал, показала ему экран. — Смотри. Вот запись о шве на вокзале. Три дня назад он был отмечен как «стабильный». Вчера — как «нестабильный». Сегодня — как «утраченный».

Кай нахмурился.

— Утраченный?

— Это значит, что его больше нет. — Лея помолчала. —

Или что кто-то сделал так, чтобы его не было.

Кай почувствовал, как холодок пробегает по спине.

— Кто?

— Не знаю. — Лея покачала головой. — Но это кто-то из системы. Кто-то, у кого есть доступ к записям. Кто-то, кто хочет, чтобы швы исчезли.

Кай молчал. Он думал о новом узле, который чувствовал в сети. О том, что кто-то — или что-то — меняет записи. О том, что это значит.

— Нам нужно проверить, — сказал он. — Найти этот шов. Посмотреть, что с ним.

— Это опасно, — сказала Лея. — Если кто-то стирает швы — он может стирать и тех, кто их трогает.

— Знаю. — Кай посмотрел на неё. — Но если мы не проверим — мы не узнаем, что происходит.

Лея помолчала. Потом кивнула.

— Ладно. Но я пойду с тобой.

— И я, — сказала Мира.

Кай посмотрел на них. На Лею. На Миру. На двух людей, которые были готовы идти с ним в неизвестность.

— Хорошо, — сказал он. — Идём.

Глава 2. Утраченный шов

Старый вокзал выглядел иначе. Раньше он был просто заброшенным — серым, пустым, с просевшей крышей и выбитыми окнами. Теперь он был… мёртвым. Не просто пустым — мёртвым. Как будто кто-то выпил из него всю жизнь. Стены были серыми, как пепел. Пол — сухим, как кость. Воздух — неподвижным, как в склепе.

Кай стоял у входа и чувствовал: шва нет. Того самого шва, который он открывал, в который входил, который трогал. Его не было. Совсем. Как будто его никогда не существовало.

— Здесь, — сказал он тихо. — Шов был здесь.

— Был? — Лея подошла. — Ты уверен?

— Уверен. — Кай закрыл глаза. Коснулся сети вниманием. — Его нет. Совсем. Как будто кто-то вырезал его. Вырвал с корнем.

— Кто мог это сделать?

— Не знаю. — Кай открыл глаза. — Но это не Векс. Не стражи. Это кто-то другой. Кто-то, кто знает, что делает.

Он шагнул внутрь. Прошёл через зал ожидания — пустой, тихий, с мусором на полу. Спустился по лестнице. Коридор был таким же — бетонным, тёмным, с капающей водой. Но что-то изменилось. Воздух стал плотнее. Тяжелее. Как будто кто-то набил его ватой.

Кай дошёл до тупика. Стена была на месте. Трещины не

было.

Он стоял и смотрел на неё. На гладкий бетон. На пустоту. И чувствовал, как что-то сжимается внутри. Не страх. Что-то другое. Как будто часть его самого исчезла.

— Кай, — Мира подошла сзади. — Что это значит?

— Это значит, что кто-то стирает швы, — сказал он. — И делает это очень хорошо.

— Зачем?

— Не знаю. — Кай повернулся. — Но я собираюсь выяснить.

Он вышел из вокзала. На улице было всё так же тихо. Слишком тихо. Как будто кто-то выключил звук.

Кай остановился. Посмотрел на небо. На серые тучи. На бледное солнце.

И почувствовал: что-то идёт. Что-то большое. Что-то, что уже здесь.

Он не знал, что это. Но он знал, что это только начало.

Глава 3. Комната без окон

Кай не спал третью ночь подряд.

Он лежал на диване в квартире Леи, смотрел в потолок и слушал тишину. Она была неправильной. Не той тишиной, которая бывает глубокой ночью, когда город затихает и слышно только дыхание спящих. Это была другая тишина — плотная, вязкая, как будто кто-то накрыл мир одеялом и прижал края. Кай слышал своё сердце. Слышал, как Мира ворочается на кровати в соседней комнате. Слышал, как Лея что-то печатает на терминале — тихо, методично, без пауз.

Но он не слышал город.

Ни скрипа половиц. Ни капель воды из протекающего крана. Ни далёкого лая собак. Ни музыки из открытого окна. Ни ругани соседей. Ни детских криков. Ничего.

Кай сел. Потёр лицо. Встал. Подошёл к окну. За стеклом Нижнее кольцо выглядело как всегда — серое, облупленное, забитое людьми. Люди ходили по улицам. Торговцы стояли у лотков. Дети играли в пыли. Всё было на месте. Но звук не доходил. Как будто между ним и городом появилась стена — прозрачная, но глухая.

Он закрыл глаза. Коснулся сети вниманием.

Сеть была на месте. Швы пульсировали. Линии светились. Всё было… нормально. Но не совсем. Кай чувствовал что-то ещё. Что-то, чего не было раньше. Как будто в сети появился

новый узел. Маленький. Тихий. Но живой. Он пульсировал в такт с чем-то другим — не с швами, не с ядром. С чем-то, что было глубже.

Кай открыл глаза. Нахмурился.

— Что-то не так, — сказал он вслух.

— Ты о чём? — Мира появилась в дверях. Растрёпанная, в пижаме, с карандашом в волосах. — Опять не спал?

— Спал. — Кай посмотрел на неё. — Просто… что-то изменилось.

— Что?

— Не знаю. — Он покачал головой. — Пока не знаю.

Мира подошла. Села рядом. Взяла его за руку. Её пальцы были тёплыми.

— Ты пугаешь меня, — сказала она тихо. — Когда ты так говоришь.

— Я не хочу тебя пугать.

— Знаю. — Она помолчала. — Но ты пугаешь.

Кай посмотрел на неё. На её лицо. На её глаза. На её упрямый подбородок. И почувствовал: что-то сжимается внутри. Не страх. Что-то другое. Как будто часть его самого исчезла — и он не знал, вернётся ли она.

Лея вернулась к обеду. Она выглядела усталой — сильнее, чем обычно, — и в её глазах было что-то, чего Кай не видел раньше. Тревога. Настоящая. Глубокая.

— Плохие новости, — сказала она, садясь за стол. — Я

была в архиве. Проверяла записи о швах.

— И что?

— Кто-то их меняет. — Лея открыла терминал, показала ему экран. — Смотри. Вот запись о шве на вокзале. Три дня назад он был отмечен как «стабильный». Вчера — как «нестабильный». Сегодня — как «утраченный».

Кай нахмурился.

— Утраченный?

— Это значит, что его больше нет. — Лея помолчала. — Или что кто-то сделал так, чтобы его не было.

Кай почувствовал, как холодок пробегает по спине.

— Кто?

— Не знаю. — Лея покачала головой. — Но это кто-то из системы. Кто-то, у кого есть доступ к записям. Кто-то, кто хочет, чтобы швы исчезли.

Кай молчал. Он думал о новом узле, который чувствовал в сети. О том, что кто-то — или что-то — меняет записи. О том, что это значит.

— Нам нужно проверить, — сказал он. — Найти этот шов. Посмотреть, что с ним.

— Это опасно, — сказала Лея. — Если кто-то стирает швы — он может стирать и тех, кто их трогает.

— Знаю. — Кай посмотрел на неё. — Но если мы не проверим — мы не узнаем, что происходит.

Лея помолчала. Потом кивнула.

— Ладно. Но я пойду с тобой.

— И я, — сказала Мира.

Кай посмотрел на них. На Лею. На Миру. На двух людей, которые были готовы идти с ним в неизвестность.

— Хорошо, — сказал он. — Идём.

Старый вокзал выглядел иначе. Раньше он был просто заброшенным — серым, пустым, с просевшей крышей и выбитыми окнами. Теперь он был… мёртвым. Не просто пустым — мёртвым. Как будто кто-то выпил из него всю жизнь. Стены были серыми, как пепел. Пол — сухим, как кость. Воздух — неподвижным, как в склепе.

Кай стоял у входа и чувствовал: шва нет. Того самого шва, который он открывал, в который входил, который трогал. Его не было. Совсем. Как будто его никогда не существовало.

— Здесь, — сказал он тихо. — Шов был здесь.

— Был? — Лея подошла. — Ты уверен?

— Уверен. — Кай закрыл глаза. Коснулся сети вниманием. — Его нет. Совсем. Как будто кто-то вырезал его. Вырвал с корнем.

— Кто мог это сделать?

— Не знаю. — Кай открыл глаза. — Но это не Векс. Не стражи. Это кто-то другой. Кто-то, кто знает, что делает.

Он шагнул внутрь. Прошёл через зал ожидания — пустой, тихий, с мусором на полу. Спустился по лестнице. Коридор был таким же — бетонным, тёмным, с капающей водой. Но что-то изменилось. Воздух стал плотнее. Тяжелее. Как будто

кто-то набил его ватой.

Кай дошёл до тупика. Стена была на месте. Трещины не было.

Он стоял и смотрел на неё. На гладкий бетон. На пустоту. И чувствовал, как что-то сжимается внутри. Не страх. Что-то другое. Как будто часть его самого исчезла.

— Кай, — Мира подошла сзади. — Что это значит?

— Это значит, что кто-то стирает швы, — сказал он. — И делает это очень хорошо.

— Зачем?

— Не знаю. — Кай повернулся. — Но я собираюсь выяснить.

Они вышли из вокзала. На улице было всё так же тихо. Слишком тихо. Как будто кто-то выключил звук.

Кай остановился. Посмотрел на небо. На серые тучи. На бледное солнце.

И почувствовал: что-то идёт. Что-то большое. Что-то, что уже здесь.

Он не знал, что это. Но он знал, что это только начало.

Глава 4. Тот, кто стирает

Они вернулись в квартиру Леи к вечеру. Кай сел на диван, снял куртку и уставился в стену. В голове было пусто. Не потому, что он не думал. Потому что думал слишком много — и мысли не складывались в слова.

Лея села в кресло. Мира — на пол, скрестив ноги. Все молчали. Тишина была густой, как сироп.

Первой заговорила Лея.

— Я проверила архивы. Все, до которых смогла добраться. — Она открыла терминал. — За последние три недели исчезло семь швов. Семь. Это не случайность. Это… кампания.

— Кампания? — Кай поднял глаза.

— Кто-то методично стирает швы. Один за другим. Начиная с окраин. — Лея показала ему карту. На ней были отмечены точки — там, где раньше были швы. Теперь они были пусты. — Смотри. Сначала — вокзал. Потом — коллектор на Граничной. Потом — старый госпиталь. Все — на периферии. Все — маленькие. Никто не замечает, пока не станет слишком поздно.

— Кто это делает?

— Не знаю. — Лея покачала головой. — Но это кто-то из системы. Кто-то, у кого есть доступ к записям. Кто-то, кто знает, как работают швы.

Кай молчал. Он думал о новом узле, который чувствовал в сети. О том, что кто-то — или что-то — меняет записи. О том, что это значит.

— Есть ещё кое-что, — сказала Лея. — Я проверила записи о твоей матери.

Кай напрягся.

— Что?

— Она была оператором. Как ты. Как я. — Лея помолчала. — И она не умерла. Она… исчезла.

Кай почувствовал, как земля уходит из-под ног.

— Что ты сказала?

— Твоя мать была оператором. Как ты. Как я. — Лея помолчала. — И она исчезла, когда тебе было пять. Официально — погибла при пожаре. Но запись о пожаре… странная. Неполная. Как будто кто-то её подчистил.

Кай молчал. Он не помнил свою мать. Совсем. Только смутное ощущение тепла. Голос. Запах. Что-то, что было и исчезло.

— Почему ты мне это говоришь? — спросил он тихо.

— Потому что это связано. — Лея подошла к нему. — Твоя мать исчезла. Потом исчезли другие операторы. Один за другим. А теперь кто-то стирает швы. Кто-то, кто знает, что делает.

— Ты думаешь, это она?

— Не знаю. — Лея покачала головой. — Но я думаю, что нам нужно проверить. Пока не стало поздно.

Кай молчал. Он думал о матери. О той, которую не помнил. О той, которая исчезла. Добровольно. Чтобы найти ответы.

— Я хочу найти её, — сказал он.

— Кого?

— Мать. — Кай посмотрел на неё. — Если она жива — я хочу её найти.

Лея помолчала. Потом кивнула.

— Хорошо. Я помогу.

Орден появился на пороге квартиры Леи на рассвете — как всегда, без предупреждения. Он выглядел хуже, чем обычно: лицо серое, руки трясутся, в глазах — что-то, чего Кай не видел раньше. Страх.

— Мне нужно с тобой поговорить, — сказал он, глядя на Кая. — Наедине.

Лея хотела возразить, но Кай покачал головой. Он вышел с Орденом на лестничную площадку. Дверь закрылась.

— Что случилось? — спросил Кай.

— Я нашёл кое-что. — Орден достал из кармана старый блокнот — тот самый, который давал Каю. — В своих записях. То, что я забыл. То, что я… — Он замолчал.

— Что?

— Твоя мать. — Орден посмотрел на него. — Я знал её.

Кай замер.

— Что?

— Я знал её. Она была оператором. Одной из лучших. — Орден помолчал. — И она была моей ученицей.

Кай почувствовал, как что-то сжимается в груди.

— Ты знал. Всё это время. Ты знал, что она была оператором. И ничего мне не сказал.

— Я не знал, что она твоя мать. — Орден покачал головой. — Пока ты не сказал мне её имя. Пока Лея не показала мне записи. Тогда я понял.

— Что ты понял?

— Что она исчезла не просто так. — Орден посмотрел на него. — Она искала ядро. Как и я. Как и Векс. Но она нашла что-то другое. Что-то, что изменило её.

— Что?

— Я не знаю. — Орден помолчал. — Но я знаю, что она не погибла. Она ушла. Добровольно. Чтобы найти ответы.

Кай молчал. Он думал о матери. О той, которую не помнил. О той, которая ушла. Добровольно. Чтобы найти ответы.

— Где она сейчас?

— Не знаю. — Орден покачал головой. — Но я знаю, где она была. Последний раз. — Он открыл блокнот, показал карту. — Здесь. Старый шов в Нижнем кольце. Тот самый, который растёт.

Кай посмотрел на карту. На точку. На пометку.

— Она там?

— Может быть. — Орден закрыл блокнот. — Или, может

быть, она оставила что-то там. Что-то, что поможет тебе понять.

Кай кивнул. Он уже знал, что делать.

— Я пойду туда.

— Знаю. — Орден посмотрел на него. — Но будь осторожен. Тот, кто стирает швы, может быть там. И он… или она… может быть не рад тебя видеть.

Кай посмотрел на него. На его усталое лицо. На его глаза. И увидел что-то, чего не видел раньше. Боль.

— Ты любил её? — спросил он тихо.

Орден молчал. Долго. Потом сказал:

— Да.

Кай кивнул. Он не стал спрашивать больше. Просто повернулся и пошёл обратно в квартиру.

Лея и Мира ждали его внутри. Они смотрели на него с тревогой.

— Что случилось? — спросила Лея.

— Орден знал мою мать. — Кай сел на диван. — Она была его ученицей. Она искала ядро. И она… ушла.

— Куда?

— Не знаю. Но Орден думает, что она была в старом коллекторе. Том самом, где растёт шов.

Лея нахмурилась.

— Это опасно.

— Знаю. — Кай посмотрел на неё. — Но я должен пойти.

— Я с тобой.

— И я, — сказала Мира.

Кай посмотрел на них. На Лею. На Миру. На двух людей, которые были готовы идти с ним в неизвестность.

— Хорошо, — сказал он. — Идём.

Старый коллектор находился на краю Нижнего кольца, там, где бетонные трубы выходили из земли, как кости гигантского скелета. Внутри было темно, сыро и холодно. Вода капала откуда-то сверху, и звук капель эхом разносился по коридору.

Кай шёл впереди. Он чувствовал шов — всё ближе, всё сильнее. Он пульсировал, как открытая рана, и от него шло что-то, что заставляло волосы на руках вставать дыбом.

Они вышли в большое помещение. Круглое. С высоким потолком. В центре — шов. Огромный. Яркий. Он пульсировал так сильно, что казалось, будто он дышит.

А перед ним стояла женщина.

Она была высокой, худой, в старой куртке, которая была ей велика на два размера. Седые волосы торчали в разные стороны. Лицо — морщинистое, усталое, но глаза — глаза были острые, внимательные, живые.

Кай замер.

— Мама? — сказал он тихо.

Женщина повернулась. Посмотрела на него. Долго. Потом улыбнулась.

— Здравствуй, Кай, — сказала она. — Я ждала тебя.

Глава 5. Женщина у шва

Она стояла неподвижно, и в её позе не было ни угрозы, ни раскаяния — только усталое ожидание человека, который слишком долго ждал и перестал надеяться. Свет от шва падал на её лицо, и в этом свете Кай впервые видел её по-настоящему: глубокие морщины у глаз, шрам на левой скуле, седые волосы, собранные в небрежный узел, из которого выбивались пряди. Она была похожа на Ордена — той же породой усталых, упрямых людей, которые несут свою ношу, пока не упадут.

Мира за спиной Кая затаила дыхание. Лея положила руку на терминал — не враждебно, скорее рефлекторно.

— Ты растила шов, — сказал Кай. Голос его не слушался. — Это ты. Всё это время.

— Да, — ответила она. — Я.

— Зачем?

Она не сразу ответила. Перевела взгляд на шов — на его пульсирующие линии, на свет, который струился по ним, как кровь по венам, — и в её глазах появилось что-то, что Кай не ожидал увидеть. Нежность. Так смотрят на что-то, что выращивали годами.

— Потому что он умирал, — сказала она. — Этот шов. Как и многие другие. Система стареет. Стыки расходятся. Ткань рвётся. И если не поддерживать её — она распадётся.

— Ты поэтому ушла? — Кай шагнул вперёд. — Оставила меня? Оставила Миру? Чтобы… кормить шов?

Женщина — её звали Ирма, Кай вспомнил это имя внезапно, как будто оно всё время лежало где-то на дне памяти, — посмотрела на него, и её лицо дрогнуло. Впервые за весь разговор.

— Я не хотела уходить, — сказала она тихо. — Но я не могла остаться. Я видела, что происходит. Я видела, как стражи закрывают швы, чтобы контролировать их. Как Фронт пытается их переписать. Как операторов убивают одного за другим. — Она помолчала. — Я знала, что если останусь — тебя найдут. Через меня. Я была слишком заметна. Слишком известна. Я должна была исчезнуть, чтобы ты выжил.

— Мне было пять, — сказал Кай. — Я ничего не помню. Только… тепло. Голос. Запах.

— Я помню, — сказала она. — Каждую минуту.

Тишина в коллекторе стала густой, как вода. Кай слышал только своё дыхание и далёкое капанье воды.

— Почему сейчас? — спросил он. — Почему ты не связалась раньше? Не нашла меня?

— Потому что я не могла. — Ирма посмотрела на него. — Пока ты не стал оператором — ты был в безопасности. Пока ты не трогал швы — тебя не искали. А когда ты начал… — Она помолчала. — Я почувствовала. Шов на вокзале. Ты его коснулся. Я почувствовала это отсюда. И поняла, что ты

вырос.

— И ты не пришла.

— Я не могла прийти. — Ирма шагнула вперёд. — Тот, кто растит швы, не может покидать свой пост. Если я уйду — шов начнёт гнить. Распадётся. И тогда… — Она не закончила.

— Тогда что? — спросила Лея.

Ирма посмотрела на неё. Долго. Потом сказала:

— Тогда он заберёт с собой полгорода. Швы — это не просто трещины. Это стыки реальности. Если один из них распадётся — он потянет за собой другие. Как цепная реакция.

Кай молчал. Он смотрел на мать — на эту женщину, которая оставила его, чтобы спасти, и которая всё это время была рядом, но недоступна, — и не знал, что чувствовать. Злость? Облегчение? Что-то ещё?

— Ты знала, что я приду? — спросил он наконец.

— Знала, что кто-то придёт. — Ирма улыбнулась. — Не знала, что это будешь ты. Но надеялась.

Она подошла ближе. Остановилась в шаге от него. И Кай увидел в её глазах то, что не видел ни у кого — ни у Ордена, ни у Леи, ни у Векса. Отражение себя. Своих собственных черт. Своего упрямства.

— Ты закрыл ядро, — сказала она. — Я почувствовала. Это было… громко.

— Надо было оставить открытым?

— Нет. — Она покачала головой. — Ты сделал правильно.

Ядро нельзя было оставлять открытым. Векс уничтожил бы всё. — Она помолчала. — Но теперь есть другая проблема.

— Какая?

— Ядро закрыто. Но швы — нет. Они всё ещё активны. И они всё ещё растут. — Ирма посмотрела на него. — Тот, кто закрывает ядро, должен уметь не только запирать двери. Но и поддерживать стены. Иначе они рухнут.

Кай смотрел на неё. На её усталое лицо. На её глаза. И понимал: она не просто его мать. Она — оператор. Как он. И она знала то, чего не знал он.

— Ты можешь научить меня? — спросил он.

— Могу. — Она кивнула. — Но сначала ты должен кое-что понять.

— Что?

— Что я не просто твоя мать. — Ирма помолчала. — Я — та, кто поддерживает швы. Много лет. Одна. И я устала.

Ирма говорила долго. Она рассказывала о том, как нашла этот шов двадцать лет назад — ещё молодой, ещё полной сил. Как поняла, что он гниёт. Как начала его поддерживать — сначала интуитивно, потом осознанно. Как училась у шва, а не у людей. Как поняла, что операторы — не просто те, кто видит стыки реальности. Они — те, кто её держит.

— Швы — это не ошибки, — говорила она, и её голос эхом разносился по круглому залу. — Это суставы мира. Если их не смазывать, не поддерживать — они начинают скри-

петь. Потом трескаться. Потом ломаться.

— И ты смазываешь их? — спросила Мира. Она стояла рядом с Каем, и в её глазах был не страх, а жадное любопытство. Она всегда была такой — хотела знать, как всё устроено.

— Поддерживаю, — поправила Ирма. — Это не смазка. Это… внимание. Ты касаешься шва. Чувствуешь его. И отдаёшь ему немного себя. Не много. Но регулярно.

— И ты делала это двадцать лет? — Кай смотрел на неё. — Одна?

— Не одна. — Ирма покачала головой. — Были другие. Операторы. Такие же, как я. Мы поддерживали разные швы в разных частях города. Но их становилось всё меньше. Стражи. Фронт. Болезни. Возраст. — Она помолчала. — Теперь осталась только я. И этот шов.

Кай посмотрел на шов. На его пульсирующие линии. На свет, который струился по ним. Он был красивым. И страшным. Как открытая рана на теле мира.

— Что будет, если ты перестанешь его поддерживать? — спросил он.

— Он умрёт. — Ирма произнесла это просто, без драмы. — Через несколько дней. Может, через неделю. И тогда… — Она не закончила.

— Тогда что?

— Тогда он заберёт с собой всё, что рядом. — Ирма посмотрела на него. — Дома. Людей. Память. Всё, что связано

с этим местом. Оно просто… исчезнет. Как будто никогда не существовало.

Кай почувствовал, как холодок пробегает по спине.

— И ты не можешь остановить это?

— Могу. Пока могу. — Ирма помолчала. — Но я устала. Я делаю это двадцать лет. Каждый день. Каждую ночь. Я не могу больше.

Кай смотрел на неё. На её усталое лицо. На её трясущиеся руки. На её глаза, в которых была боль — старая, глубокая, которая никуда не ушла.

— Ты хочешь, чтобы я занял твоё место, — сказал он. Это был не вопрос.

— Нет. — Ирма покачала головой. — Я не хочу, чтобы ты занял моё место. Я хочу, чтобы ты научился. Чтобы ты понял. Чтобы ты смог… — Она замолчала.

— Что?

— Поддержать. Когда меня не станет.

Кай молчал. Он смотрел на мать. На женщину, которая оставила его, чтобы спасти. На оператора, который двадцать лет держал мир на своих плечах. На человека, который устал.

— Ладно, — сказал он. — Научи меня.

Они остались в коллекторе. Ирма не могла уйти — шов не отпускал её, — и Кай не хотел уходить без неё. Лея и Мира вернулись в город за припасами, а Кай остался.

Он сидел у стены, смотрел на шов и слушал. Ирма расска-

зывала. О том, как швы работают. О том, как их поддерживать. О том, как не потерять себя.

— Самое главное, — говорила она, — не отдавать слишком много. Шов всегда хочет больше. Он голоден. Он живой. И он будет тянуть из тебя, пока ты не опустеешь. Ты должен уметь останавливаться.

— Как?

— Чувствовать себя. Своё тело. Свои мысли. Свою память. — Ирма помолчала. — Если ты перестаёшь чувствовать — значит, ты отдал слишком много. И тогда нужно остановиться. Немедленно.

Кай кивнул. Он думал о том, что случилось с ним в первый раз. Как он потерял день. Как не помнил дорогу домой.

— Я уже терял, — сказал он. — В первый раз. Когда трогал шов.

— Знаю. — Ирма посмотрела на него. — Я почувствовала. Это было… громко. Как крик.

— Ты можешь чувствовать? На расстоянии?

— Могу. — Она кивнула. — Когда шов связан с другим швом. Когда они — часть одной сети. Я чувствую всё, что происходит в сети. Не всегда. Но… часто.

Кай задумался. Это было важно. Если она чувствует сеть — значит, она знает больше, чем говорит.

— Что ещё ты чувствуешь? — спросил он.

Ирма помолчала. Потом сказала:

— Что-то движется. В сети. Что-то большое. Оно идёт сю-

да.

— Что это?

— Не знаю. — Она покачала головой. — Но оно не похоже на Векса. Не похоже на стражей. Оно… другое.

Кай почувствовал, как холодок пробегает по спине.

— Когда оно будет здесь?

— Скоро. — Ирма посмотрела на него. — Очень скоро.

Ночью Кай не спал. Он сидел у шва, смотрел на его пульсирующие линии и думал.

Он думал о матери. О том, что она оставила его, чтобы спасти. О том, что она двадцать лет держала мир на своих плечах. О том, что она устала.

Он думал о шве. О том, что он живой. Голодный. Что он будет тянуть из него, пока он не опустеет.

Он думал о том, что движется в сети. О том, что оно приближается. О том, что оно другое.

И он думал о Мире. О Лее. О том, что они вернутся утром. О том, что они будут рядом.

Он не знал, что будет дальше. Но он знал, что не один.

И это было главное.

Глава 6. То, что пришло

Оно пришло на третью ночь.

Кай почувствовал его раньше, чем увидел. Сначала — как дрожь в шве. Тонкую, едва заметную, как рябь на воде перед штормом. Потом — как давление. Не физическое, а какое-то иное, будто само пространство вокруг становилось плотнее, тяжелее, будто воздух превращался в воду.

Он сидел у стены, дремал — вполглаза, как научился за последние дни, — и вдруг проснулся, как от толчка. Шов перед ним пульсировал быстрее. Линии дрожали. Свет стал неровным, мигающим, как неисправная лампа.

Ирма уже стояла. Она смотрела в темноту — туда, где коридор коллектора уходил вглубь, теряясь в тени. Её руки были сжаты в кулаки. Лицо — бледное, напряжённое.

— Что это? — спросил Кай, поднимаясь.

— Я не знаю, — ответила она тихо. — Но оно близко.

Кай подошёл к ней. Он тоже смотрел в темноту. И чувствовал: что-то идёт. Медленно. Тяжело. Как будто каждый шаг давался ему с трудом.

Сначала появился звук. Не шаги. Не дыхание. Что-то другое. Словно кто-то тащил по бетону мешок с песком. Шорох. Скрежет. Тихий, но отчётливый.

Потом появился запах. Не гнилостный. Не химический. Странный. Как будто пахло старой бумагой и пылью — как

в архиве, который не открывали много лет.

А потом оно вышло из темноты.

Кай не сразу понял, что видит. Существо было… неправильным. Не уродливым — неправильным. Как будто кто-то взял человеческую фигуру и перерисовал её по памяти, с ошибками. Слишком длинные руки. Слишком короткие ноги. Голова не на месте — чуть сбоку, чуть выше, чем должна быть. Кожа — серая, как старая бумага. Глаза — два пятна, светящихся тускло, как умирающие лампы.

Оно двигалось медленно. Неуверенно. Как будто не знало, куда идёт. Но шло. Прямо к шву.

— Что это? — прошептал Кай.

— Не знаю, — ответила Ирма. — Но оно не должно быть здесь.

Существо остановилось в нескольких шагах от шва. Посмотрело на него. Потом — на Ирму. Потом — на Кая.

И открыло рот. Не для того, чтобы заговорить. Скорее… чтобы вдохнуть. Как будто оно пыталось что-то взять. Что-то, чего у него не было.

Шов задрожал. Свет померк. Кай почувствовал, как что-то тянет из него — не сильно, но заметно. Как будто кто-то тянул за нитку, привязанную к его внутренностям.

— Оно ест, — сказала Ирма. — Оно ест шов.

Кай шагнул вперёд. Он не знал, что делать. Не знал, как остановить это. Но он знал, что не может стоять и смотреть.

Он коснулся шва вниманием. Нажал.

Шов открылся.

Мир моргнул. Кай увидел линии. Слои. Команды. И среди них — что-то чужое. Тёмное. Неправильное. Как заноза в коже. Как вирус в коде.

Он потянулся к нему. Коснулся.

Существо закричало. Не голосом. Чем-то другим. Как будто зазвенела струна, которую слишком сильно натянули.

Кай отшатнулся. Голова закружилась. Из носа потекла кровь.

— Кай! — Ирма схватила его за руку. — Не трогай его напрямую. Оно… оно заразное.

— Что?

— Оно — не просто существо. Это… болезнь. Шов заболел. И то, что вышло из него — это… симптом.

Кай посмотрел на существо. Оно стояло, покачиваясь, и смотрело на него своими тусклыми глазами. В них не было злобы. Не было голода. Только… пустота.

— Что с ним делать? — спросил он.

— Не знаю, — ответила Ирма. — Я никогда такого не видела.

Существо сделало шаг вперёд. Потом ещё один. Оно тянулось к шву. К его свету. К его жизни.

Кай понял: если оно доберётся до шва — шов умрёт. А если шов умрёт — умрёт всё вокруг.

Он снова коснулся шва. На этот раз — осторожнее. Он не стал трогать существо напрямую. Вместо этого он потянул-

ся к линиям вокруг. К структуре. К тому, что держало шов вместе.

Он начал закрывать его. Медленно. Осторожно. Как хирург, который оперирует сердце.

Существо закричало снова. Громче. Отчаяннее. Оно бросилось вперёд — но Кай уже закрыл шов. Запечатал его. Сделал так, чтобы свет померк.

Существо остановилось. Посмотрело на него. И — медленно, как будто с трудом, — начало таять. Растворяться. Как дым на ветру.

Через минуту его не было.

Кай стоял, тяжело дыша. Кровь текла по губе. Руки дрожали.

— Что это было? — спросил он.

Ирма смотрела на то место, где только что стояло существо. Её лицо было бледным.

— Это был… шовный паразит, — сказала она медленно. — Я слышала о них. Но никогда не видела.

— Что это значит?

— Это значит, что кто-то… или что-то… заражает швы. — Ирма посмотрела на него. — И это не Векс. Это кто-то другой.

Утром вернулись Лея и Мира. Они принесли еду, воду и новости. Новости были плохими.

— В городе неспокойно, — сказала Лея, садясь на ящик и

потирая уставшие глаза. — Стражи усилили патрули. В буферной зоне — облавы. Кого-то ищут.

— Меня? — спросил Кай.

— Не только. — Лея помолчала. — Они ищут всех, кто связан с швами. Операторов. Тех, кто их поддерживает. Тех, кто их трогает.

— Почему?

— Потому что кто-то сказал им, что швы опасны. Что они распадаются. Что кто-то их заражает. — Лея посмотрела на него. — И они хотят найти виноватого.

Кай молчал. Он думал о существе, которое видел ночью. О шовном паразите. О том, что кто-то заражает швы.

— Это не я, — сказал он.

— Знаю. — Лея кивнула. — Но стражи так не думают. Для них любой оператор — угроза. Особенно тот, кто не подчиняется им.

Кай посмотрел на Ирму. Она стояла у шва, смотрела на его потускневшие линии. Её лицо было задумчивым.

— Что ты чувствуешь? — спросил он.

— Сеть, — ответила она. — Она… болеет. Я чувствую это. Как будто что-то ползёт по ней. Медленно. Но верно.

— Ты можешь найти, откуда это идёт?

— Могу попробовать. — Ирма закрыла глаза. Помолчала. Потом сказала: — Есть узел. На севере. За буферной зоной. Там что-то… не так. Что-то, что заражает швы.

Кай посмотрел на Лею. На Миру. На мать.

— Нам нужно туда, — сказал он.

— Это опасно, — сказала Лея. — Север — это территория стражей. Там их главный пост. Если они нас поймают…

— Они нас не поймают. — Кай посмотрел на неё. — Мы пойдём тихо. Быстро. И уйдём, прежде чем они поймут, что мы были там.

Лея помолчала. Потом кивнула.

— Ладно. Но я пойду с тобой.

— И я, — сказала Мира.

Кай посмотрел на неё. На её упрямый подбородок. На её глаза, в которых горело что-то, что он так хорошо знал.

— Хорошо, — сказал он. — Идём.

Северный узел находился за буферной зоной, там, где заканчивались дома и начинались пустоши — серые, каменистые, покрытые редкой травой. Ветер здесь был сильнее, чем в городе, и он нёс с собой запах пыли и чего-то ещё — металлического, холодного.

Они шли долго. Лея вела их через переулки и пустыри, которые знала только она. Мира шла рядом с Каем, молчаливая и сосредоточенная. Ирма осталась в коллекторе — она не могла уйти, — но перед уходом она дала Каю что-то. Маленький камень. Гладкий, тёплый, пульсирующий.

— Это осколок шва, — сказала она. — Он связан со мной. Если что-то случится — я почувствую. И смогу помочь.

Кай спрятал камень во внутренний карман. Он чувство-

вал его тепло — там, у сердца. Как второй пульс.

Северный узел оказался старым бункером — бетонным, полуразрушенным, с заваренной дверью. Но Лея знала другой вход. Она нашла его за мусорным контейнером — узкую щель в стене, через которую можно было протиснуться.

Внутри было темно и холодно. Кай зажёг терминал. Свет выхватил из темноты стены, покрытые мхом, и пол, залитый водой.

— Здесь, — сказала Лея. — Шов где-то здесь.

Кай закрыл глаза. Коснулся сети вниманием.

Шов был здесь. Но он был… больным. Кай чувствовал это. Как воспаление. Как гной. Как что-то, что разъедало его изнутри.

Он открыл глаза.

— Там, — сказал он, кивнув вглубь бункера. — Шов. И что-то ещё. Что-то, что его заражает.

Они пошли вглубь. Вода плескалась под ногами. Стены сжимались. Воздух становился тяжелее.

А потом они вышли в круглый зал. И Кай увидел.

Шов был здесь. Огромный. Но он был не ярким, как тот, в коллекторе. Он был тусклым. Серым. Больным. Линии вокруг него дрожали, как натянутые струны. А в центре — что-то чёрное. Гнилое. Как опухоль.

И перед швом стоял человек.

Он был высоким, худым, в тёмной одежде. Стоял неподвижно, спиной к ним. Смотрел на шов.

— Кто это? — прошептала Мира.

Человек обернулся. И Кай узнал его.

Это был Орден.

Глава 7. То, что осталось от Ордена

Он стоял в свете больного шва, и этот свет делал его похожим на призрак — серый, полупрозрачный, с руками, которые слегка мерцали на краях, как будто реальность отказывалась признавать его полностью. Куртка висела на нём мешком, седые волосы торчали в разные стороны, но глаза были другими. Раньше в них была усталость и тепло. Теперь — только пустота. Гладкая, как стекло.

— Орден? — Кай шагнул вперёд. — Что вы здесь делаете?

Старик посмотрел на него. Долго. Как будто пытался вспомнить, кто перед ним стоит. Потом улыбнулся — и эта улыбка была неправильной. Слишком широкой. Слишком ровной. Как будто кто-то нарисовал её на лице, не зная, как выглядят настоящие улыбки.

— Кай, — сказал он. Голос был его — хриплый, тёплый, — но в нём появилось что-то новое. Стеклянный призвук. Как будто говорил не человек, а запись человека. — Ты пришёл. Хорошо.

— Орден, что с вами? — Кай подошёл ближе. — Вы… вы выглядите странно.

— Я выгляжу как всегда, — ответил Орден. — Просто ты видишь меня впервые.

Лея за спиной Кая напряглась. Её рука легла на терминал.

— Кай, — сказала она тихо. — Отойди от него.

— Почему?

— Потому что это не Орден.

Старик — или то, что было Орденом, — посмотрел на неё. И улыбнулся снова. Той же неправильной улыбкой.

— Лея, — сказал он. — Ты всегда была умной. Слишком умной. Это тебя и погубит.

— Что вы сделали с ним? — Кай сжал кулаки. — Где настоящий Орден?

— Настоящий? — Старик наклонил голову. — А что значит «настоящий»? Тот, кто учил тебя? Тот, кто оставлял послания? Тот, кто боялся, что ты не справишься? — Он помолчал. — Это всё был я. Просто… не весь я.

Кай почувствовал, как что-то сжимается в груди.

— Что это значит?

— Это значит, что Орден был оператором. Как и ты. Как и твоя мать. — Старик посмотрел на шов. — Он поддерживал этот узел. Много лет. Один. Как и твоя мать — свой. Но он устал. Как и она. И он нашёл способ… облегчить себе задачу.

— Какой способ?

— Он позволил шву взять больше. Чем нужно. Чем можно. — Старик улыбнулся. — И шов взял. Всё, что было. Всё, чем он был. А потом… вернул. Но не всё. Только то, что счёл полезным.

Кай почувствовал, как холодок пробегает по спине.

— Он мёртв?

— Он… изменён. — Старик посмотрел на него. — Он больше не человек. Он — часть шва. Часть системы. И он делает то, что система хочет. А система хочет… есть.

Мира за спиной Кая ахнула. Лея выругалась сквозь зубы.

— Это вы заражаете швы, — сказал Кай. — Это вы — тот, кто растит паразитов.

— Я не заражаю. Я… кормлю. — Старик покачал головой. — Система голодна. Она всегда была голодна. Но раньше её кормили стражи. Операторы. Те, кто поддерживал швы. А теперь… — Он посмотрел на Кая. — Теперь она голодна сильнее. Потому что ты закрыл ядро. Ты запер её. И она ищет выход.

Кай почувствовал, как земля уходит из-под ног.

— Я не хотел…

— Ты не знал. — Старик кивнул. — Никто не знал. Ядро — не просто дверь. Это сердце. Ты его остановил. И теперь оно… болеет. Как любой орган, который лишили крови.

Кай молчал. Он думал о том, что сделал. О том, что закрыл ядро. О том, что думал, что поступает правильно.

— Что мне делать? — спросил он.

— Открыть его. — Старик посмотрел на него. — Отпустить. Позволить системе дышать.

— Но тогда Векс…

— Векс ушёл. — Старик покачал головой. — Он не вернётся. Ты его напугал. Но система — нет. Она не боится. Она

голодна.

Кай молчал. Он смотрел на Ордена — на то, что от него осталось, — и чувствовал, как что-то внутри него ломается. Этот человек учил его. Помогал ему. Спасал его. А теперь… теперь он был частью того, с чем Кай боролся.

— Я не могу открыть ядро, — сказал он. — Это опасно.

— Опасно не открывать. — Старик шагнул вперёд. — Система умирает. Швы гниют. Паразиты растут. Если ты не откроешь ядро — всё рассыплется. Не через год. Не через месяц. Через неделю.

Кай посмотрел на него. На его пустые глаза. На его неправильную улыбку. И понял: он не врёт. Он просто… не совсем он.

— А если я открою? — спросил Кай. — Что тогда?

— Тогда система оживёт. Швы восстановятся. Паразиты исчезнут. — Старик помолчал. — Но ядро снова будет открыто. И тот, кто захочет, сможет им воспользоваться.

Кай закрыл глаза. Он думал о том, что сказал Орден — настоящий Орден. «Не пытайся переписать мир. Попробуй его починить». Но как починить то, что не хочет быть починенным?

Он открыл глаза.

— Я найду способ, — сказал он. — Другой способ.

Старик посмотрел на него. Долго. Потом улыбнулся — и на этот раз улыбка была почти настоящей.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда иди. Ищи. А я… —

Он посмотрел на шов. — Я останусь здесь. Кто-то должен кормить систему. Пока ты не найдёшь другой способ.

Кай кивнул. Он повернулся к Лее и Мире.

— Уходим.

Они вышли из бункера на поверхность. Ветер ударил в лицо — холодный, колючий, с запахом пыли. Кай стоял, смотрел на серое небо и чувствовал, как внутри него всё сжимается.

— Что теперь? — спросила Мира.

— Не знаю. — Кай покачал головой. — Я не знаю, как починить систему. Я не знаю, как открыть ядро без риска. Я не знаю ничего.

— Ты знаешь, что нужно искать, — сказала Лея. — Это уже что-то.

— Что искать?

— Другой способ. — Лея посмотрела на него. — Ты сказал, что найдёшь его. Значит, найдёшь.

Кай посмотрел на неё. На её усталое лицо. На её глаза. И увидел что-то, чего не видел раньше. Веру.

— Ты думаешь, я смогу?

— Думаю. — Лея кивнула. — Ты закрыл ядро. Ты остановил Векса. Ты справился с паразитом. Ты сможешь.

Кай молчал. Он не знал, правда ли это. Но он знал, что не один.

— Ладно, — сказал он. — Тогда нам нужно найти Векса.

— Векса? — Мира нахмурилась. — Зачем?

— Потому что он знает то, чего не знаем мы. — Кай посмотрел на неё. — Он изучал ядро. Он знает, как оно работает. И он может помочь.

— Он пытался уничтожить мир.

— Он пытался освободить его. — Кай помолчал. — Он ошибался. Но он не злодей. Он просто… заблудился. Как и все мы.

Лея смотрела на него. Долго. Потом сказала:

— Ты действительно в это веришь?

— Верю. — Кай кивнул. — И я думаю, что он может стать союзником. Если мы найдём его и поговорим.

— А если он не захочет говорить?

— Тогда мы найдём другой способ. — Кай пожал плечами. — Но сначала — попробуем.

Векса они нашли через два дня. Тень — тот самый информатор из Фронта — согласился помочь. За деньги. Как всегда.

Векс был в старом порту. Один. Без охраны. Он сидел на перевёрнутом ящике, смотрел на воду и курил. Увидев Кая, он не удивился. Только улыбнулся — устало, без злобы.

— Я знал, что ты придёшь, — сказал он.

— Знал? — Кай сел рядом. — Почему?

— Потому что ты не из тех, кто бросает начатое. — Векс затянулся. — Ты закрыл ядро. Теперь оно болеет. И ты

ищешь способ его вылечить.

— Ты знаешь, как?

— Знаю. — Векс помолчал. — Но тебе не понравится.

— Скажи.

— Ядро не нужно открывать. И не нужно закрывать. Его нужно… перезапустить. — Векс посмотрел на него. — Заставить его работать заново. Как программу, которая зависла.

— Как?

— Нужен оператор. Тот, кто может войти в ядро и… изменить его. Переписать. — Векс помолчал. — Я пытался. Но я не смог. Я не оператор. Я только… мечтатель.

Кай смотрел на него. На его усталое лицо. На его глаза. И видел: он говорит правду.

— Ты хочешь, чтобы я это сделал, — сказал Кай.

— Хочу. — Векс кивнул. — Потому что ты — можешь. Я видел, как ты вошёл в ядро. Как ты его закрыл. Ты сильнее, чем я думал.

— А если я не смогу?

— Тогда всё рассыплется. — Векс пожал плечами. — Но ты сможешь. Я верю.

Кай молчал. Он думал о том, что сказал Орден. О том, что нужно починить мир. О том, что ядро — это сердце.

— Ладно, — сказал он. — Я попробую.

Векс улыбнулся. На этот раз — почти искренне.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда я помогу. У меня есть

карта. Схема ядра. Всё, что я собрал за годы. — Он поднялся. — Идём. Покажу.

Глава 8. Карта Векса

Убежище Векса находилось не в порту и не в буферной зоне, как ожидал Кай, а в самом сердце Нижнего кольца — в подвале старой типографии, о которой никто не помнил, что она когда-то печатала газеты. Вход был завален мусором, дверь — замаскирована под стену, и Кай прошёл мимо этого места сотни раз, не подозревая, что под землёй скрывается целый штаб.

Внутри было на удивление чисто. Стены выбелены, пол выметен, вдоль стен — стеллажи с папками, терминалами, старыми картами. В центре — большой стол, на котором лежала схема. Огромная, собранная из десятков листов, склеенных между собой. Кай подошёл ближе и увидел, что это карта швов — но не такая, как у Ордена. Более детальная. Более точная. С пометками, которых он не видел нигде.

— Я собирал её восемь лет, — сказал Векс, зажигая лампу. — Каждый шов. Каждый узел. Каждую связь между ними.

Кай смотрел на карту. На линии, которые соединяли швы. На узлы, которые пульсировали красным. На ядро в центре — большое, тёмное, окружённое кольцом защитных швов.

— Это не просто карта, — сказал он. — Это схема системы.

— Именно. — Векс кивнул. — Система — не хаос. Она

структурирована. Как программа. У неё есть входы, выходы, узлы, команды. И ядро — это процессор. Он управляет всем.

Кай наклонился над картой. Он видел то, чего не видел раньше. Связи между швами были не случайными. Они подчинялись логике. Как линии в схеме. Как команды в коде.

— Если ядро — процессор, — сказал он медленно, — то его можно перезапустить. Но для этого нужно…

— Понять, как он работает. — Векс подошёл к нему. — Я пытался. Восемь лет. Я изучал каждый шов. Каждый узел. Каждую команду. Но я не оператор. Я не могу войти в ядро. Я могу только… смотреть.

Кай посмотрел на него. На его усталое лицо. На его глаза. И увидел то, чего не видел раньше: не злость. Не одержимость. Отчаяние. Человек, который слишком долго искал ответ и не нашёл.

— Ты поэтому хотел уничтожить ядро, — сказал Кай. — Потому что не мог его перезапустить.

— Да. — Векс помолчал. — Я думал, что если не могу починить — нужно сломать. Чтобы начать заново. С чистого листа.

— Но это было бы хуже.

— Знаю. — Векс усмехнулся. — Теперь знаю. Тогда — нет.

Кай снова посмотрел на карту. На ядро. На кольцо защитных швов вокруг него.

— Что это за кольцо? — спросил он, ткнув пальцем в тём-

ные линии.

— Защита. — Векс помолчал. — Ядро окружено семью швами. Они образуют барьер. Чтобы войти в ядро — нужно пройти через них. Все семь.

— И ты знаешь, как?

— Знаю. — Векс кивнул. — Но это опасно. Каждый шов — это… испытание. Он проверяет тебя. Твою память. Твою волю. Твоё понимание.

— Что будет, если я не пройду?

— Не знаю. — Векс покачал головой. — Но думаю, что ничего хорошего.

Кай молчал. Он смотрел на карту. На семь швов. На ядро. И чувствовал, как внутри него что-то сжимается.

— Ладно, — сказал он. — Я пройду.

— Кай, — Лея шагнула вперёд. — Это опасно. Ты не знаешь, что там.

— Знаю, что если не попробую — всё рассыплется. — Кай посмотрел на неё. — Ты сама говорила: швы гниют. Паразиты растут. Система умирает. У нас нет времени.

Лея молчала. Потом кивнула.

— Хорошо. Но я пойду с тобой.

— И я, — сказала Мира.

Кай посмотрел на них. На Лею. На Миру. На двух людей, которые были готовы идти с ним в неизвестность.

— Хорошо, — сказал он. — Идём.

Вход в ядро находился под Дворцом — в самом центре Верхнего города, в самом охраняемом месте. Но Векс знал другой путь. Тайный. Через старые туннели, которые были проложены ещё до того, как Дворец был построен.

Они шли всю ночь. Через буферную зону. Через пустоши. Через туннели, которые были такими старыми, что казалось, будто они были здесь всегда. Кай чувствовал швы — все ближе, все сильнее. Они пульсировали, как открытые раны, и от них шло что-то, что заставляло волосы на руках вставать дыбом.

К утру они вышли к входу. Он был не таким, как Кай ожидал. Не дверь. Не арка. Просто стена — серая, бетонная, с трещинами. Но Кай чувствовал: за ней — ядро. Глубоко. Под землёй.

— Здесь, — сказал Векс. — Вход в первый шов. Дальше — только ты.

Кай посмотрел на него. На Лею. На Миру.

— Я пойду один, — сказал он.

— Кай…

— Нет. — Он покачал головой. — Это моё испытание. Не ваше. Если я не пройду — вы не должны пострадать.

Мира открыла рот, чтобы возразить, но Лея положила руку ей на плечо.

— Он прав, — сказала она тихо. — Это его путь.

Мира посмотрела на неё. Потом на Кая. В её глазах были слёзы.

— Вернись, — сказала она.

— Вернусь. — Кай улыбнулся. — Обещаю.

Он повернулся к стене. Положил руку на трещину. Закрыл глаза.

Шов открылся.

Мир моргнул. Кай шагнул внутрь.

Первый шов был памятью.

Кай стоял в комнате, которую не помнил. Но она была знакомой. Стены, окно, кровать. Запах — тёплый, домашний. Как будто он был здесь раньше. Когда-то. Давно.

На кровати сидела женщина. Молодая. С тёмными волосами и усталыми глазами. Она смотрела на него и улыбалась.

— Кай, — сказала она. — Ты вырос.

Это была его мать. Молодая. Красивая. Живая.

Кай почувствовал, как что-то сжимается в груди.

— Мама?

— Я не могу долго, — сказала она. — Шов не отпускает. Но я хотела тебе сказать… — Она помолчала. — Ты не должен бояться. Ты сильнее, чем думаешь. И ты не один.

Кай шагнул вперёд. Он хотел обнять её. Коснуться. Но она уже таяла. Растворялась. Как дым.

— Мама!

— Иди, — сказала она. — Иди вперёд. И помни: я всегда с тобой.

Она исчезла.

Кай остался один. В комнате, которой не было. С чувством, которое не мог описать.

Он сделал вдох. Выдох. И пошёл вперёд.

Второй шов был страхом.

Кай стоял в темноте. Густой, непроглядной. И чувствовал, как что-то движется вокруг него. Что-то большое. Что-то голодное.

Он хотел бежать. Но не мог. Ноги не слушались.

— Ты боишься, — сказал голос. Его собственный. Но искажённый. — Ты боишься, что не справишься. Что подведёшь их. Что они умрут из-за тебя.

— Да, — сказал Кай. — Боюсь.

— Почему?

— Потому что я не хочу их терять. Потому что они — всё, что у меня есть.

Темнота дрогнула. Голос замолчал. И Кай понял: это испытание. Он должен признать свой страх. Не победить его. Просто признать.

— Я боюсь, — сказал он снова. — Но я всё равно пойду.

Темнота расступилась. Появился свет. Кай шагнул в него.

Третий шов был болью.

Кай стоял на краю пропасти. Внизу — ничего. Только тьма. Он знал, что если упадёт — не вернётся. Но он также знал, что должен прыгнуть.

Он посмотрел вниз. На тьму. На пустоту. И прыгнул.

Четвёртый шов был сомнением.

Кай стоял перед зеркалом. В отражении — он сам. Но не совсем. Отражение улыбалось. Отражение было уверенным. Отражение знало, что делает.

— Ты не справишься, — сказало отражение. — Ты не оператор. Ты просто мальчишка из Нижнего кольца. Ты не знаешь, что делаешь.

— Знаю, — сказал Кай. — Я знаю, что делаю.

— Ты уверен?

— Нет. — Кай покачал головой. — Но я всё равно пойду.

Отражение исчезло. Зеркало треснуло. Кай шагнул вперёд.

Пятый шов был одиночеством.

Кай стоял в пустом городе. Никого. Только он. И тишина. Он шёл по улицам, заглядывал в окна, звал. Но никто не отвечал. Никого не было.

Он сел на землю. Обхватил колени руками. И почувствовал, как что-то сжимается в груди. Одиночество. Настоящее. Глубокое.

Но потом он вспомнил. Миру. Лею. Мать. Ордена. Векса. Всех, кто был с ним. Всех, кто помогал ему.

Он не один. Даже здесь. Даже в пустом городе.

Он поднялся. И пошёл вперёд.

Шестой шов был прощением.

Кай стоял перед Орденом. Настоящим. Тем, кого он знал. Старик смотрел на него и улыбался.

— Ты дошёл, — сказал он. — Хорошо.

— Вы… — Кай помолчал. — Вы не настоящий.

— Настоящий. — Орден покачал головой. — Тот, другой — это то, что осталось. А я — это то, что было. И то, что будет.

— Я не понимаю.

— Я знаю. — Орден подошёл ближе. — Ты должен простить меня. За то, что я не сказал тебе. За то, что не подготовил. За то, что оставил одного.

Кай молчал. Он думал о том, что сделал Орден. О том, что он пытался. О том, что он устал. О том, что он стал частью шва.

— Я прощаю, — сказал Кай.

Орден улыбнулся. На этот раз — по-настоящему.

— Спасибо, — сказал он. — Теперь иди. Ядро ждёт.

Он исчез.

Седьмой шов был выбором.

Кай стоял перед ядром. Огромным. Светящимся. Живым. Оно пульсировало медленно, как сердце. И ждало.

Перед ним были две двери. Одна вела к перезапуску. Другая — к уничтожению. Кай знал, что должен выбрать.

Он посмотрел на первую дверь. На ней было написано: «Починить». На второй: «Сломать».

Он сделал вдох. Выдох. И шагнул вперёд.

Глава 9. Перезапуск

За первой дверью не было ничего. Не темнота, не свет — просто пустота, в которой не существовало ни верха, ни низа, ни сторон. Кай шагнул в неё и почувствовал, как тело перестаёт быть телом: руки, ноги, лицо — всё стало условным, как будто он превратился в точку внимания, в чистую волю, парящую в ничто.

А потом пустота начала заполняться.

Медленно, как вода, просачивающаяся в трюм, вокруг него стали появляться линии. Тонкие, светящиеся, они проступали из ниоткуда и тянулись куда-то, пересекаясь, сплетаясь, образуя узор — сложный, многомерный, который невозможно было охватить взглядом целиком. Кай понял: это и есть ядро. Не сгусток света, не дверь, не комната — сеть. Живая, дышащая сеть, которая опутывала весь мир.

И она болела.

Кай чувствовал это так же ясно, как чувствовал бы собственный зуб, поражённый кариесом. В сети были места, где линии истончались, становились серыми, дряблыми. В этих местах свет не струился — он сочился, как кровь из плохо перевязанной раны. А рядом с ними пульсировали тёмные сгустки — те самые паразиты, которых он видел в бункере. Их было много. Больше, чем он думал. Они ползали по линиям, как черви по телу, и оставляли после себя гнойные

следы.

Кай потянулся к одной из повреждённых линий. Коснулся её вниманием — и почувствовал, как что-то тянет из него. Шов хотел есть. Как и говорила Ирма. Он всегда хотел есть.

Но Кай был готов. Он не стал отдавать больше, чем нужно. Коснулся — и убрал руку. Посмотрел. Запомнил. Отошёл.

Он видел структуру. Видел, как линии соединяются, как узлы держат друг друга, как сеть дышит. И он видел, где она повреждена. Где паразиты. Где гниль.

Он начал работать.

Это было медленно. Мучительно. Каждое касание требовало концентрации, каждое изменение — усилия. Он тянул линии, сращивал их, очищал от паразитов. Один за другим. Медленно. Осторожно. Как хирург, который оперирует сердце, не имея права на ошибку.

Он не знал, сколько времени прошло. Внутри ядра время текло иначе. Может, час. Может, день. Может, год. Он не считал. Он просто работал.

И постепенно сеть начала отвечать. Линии становились ярче. Паразиты исчезали. Свет струился ровнее. Ядро — сердце мира — начинало биться спокойнее.

Кай почти закончил, когда почувствовал это. Присутствие. Чужое. Тёмное. Оно было не паразитом. Не гнилью. Чем-то большим. Чем-то, что ждало.

Он обернулся — и увидел Векса.

Но это был не Векс. Не тот человек, с которым он говорил

в порту. Это был… другой. Тёмный. Искажённый. Как будто его вывернули наизнанку и собрали заново, но с ошибками.

— Ты думал, что можешь просто починить? — сказал он. Голос был его, но с металлическим призвуком. — Ты думал, что всё будет так просто?

— Векс, — сказал Кай. — Что с тобой?

— Со мной? — Тёмная фигура усмехнулась. — Я — то, что ты оставил, когда закрыл ядро. Я — голод системы. Я — то, что она создала, чтобы выжить.

Кай почувствовал, как холодок пробегает по спине.

— Ты не Векс.

— Я — его тень. — Фигура шагнула вперёд. — То, что осталось, когда он ушёл. Система не может существовать без голода. А голод не может существовать без жертвы. Ты закрыл ядро — и система создала меня. Чтобы я ел. Чтобы я рос. Чтобы я заполнил пустоту.

Кай смотрел на неё. На её искажённое лицо. На её пустые глаза. И понимал: это не Векс. Это то, что система сделала из его отчаяния. Из его страха. Из его боли.

— Я не буду с тобой драться, — сказал Кай.

— Не будешь? — Тень усмехнулась. — Тогда я съем тебя. Как съел других.

— Нет. — Кай покачал головой. — Ты не можешь меня съесть. Потому что я — не жертва.

Он протянул руку — и коснулся тени. Не для того, чтобы ударить. Для того, чтобы понять.

Тень задрожала. Замерцала. Кай увидел её структуру — не линии, не команды, а что-то другое. Боль. Страх. Одиночество. Всё то, что Векс носил в себе. Всё то, что система взяла и превратила в оружие.

— Ты не голод, — сказал Кай. — Ты — боль. Боль Векса. Боль системы. Боль всех, кто пытался и не смог.

Тень замерла.

— Я не буду тебя уничтожать, — сказал Кай. — Я тебя отпущу.

Он потянулся к линиям вокруг — и начал менять их. Не грубо. Не силой. Мягко. Как хирург, который удаляет опухоль, не повреждая здоровую ткань.

Тень закричала. Не от боли. От чего-то другого. От освобождения.

И растворилась.

Кай вышел из ядра.

Он стоял в туннеле, перед стеной. Руки дрожали. Кровь текла из носа. Голова кружилась.

Но он чувствовал: ядро бьётся ровно. Сеть здорова. Система дышит.

— Кай! — Мира бросилась к нему. — Ты живой!

— Живой, — сказал он хрипло. — И… я сделал это.

Лея подошла. Посмотрела на него. На его лицо. На его руки.

— Ты перезапустил ядро, — сказала она. — Ты это сде-

лал.

— Сделал. — Кай кивнул. — Но не один. — Он посмотрел на Векса, который стоял в стороне. — Ты помог. Даже если не знал об этом.

Векс молчал. Потом кивнул.

— Спасибо, — сказал он тихо. — За то, что не сдался.

— Не благодари. — Кай улыбнулся. — Просто не подведи.

Прошло три дня.

Кай сидел на подоконнике в квартире Леи — на этот раз с чашкой чая, а не с терминалом, — и смотрел на город. Нижнее кольцо выглядело как всегда: серое, облупленное, забитое людьми и лотками. Но что-то изменилось. Не в городе — в нём самом.

Он чувствовал сеть. Все швы. Все узлы. Все линии. Они пульсировали ровно, спокойно, как здоровое сердце. Паразиты исчезли. Гниль ушла. Система дышала.

Мира сидела рядом, что-то паяла. Лея — в кресле, с терминалом на коленях. Векс — на диване, впервые за долгое время выглядевший не как загнанный зверь, а как человек, который наконец-то выспался.

— Что теперь? — спросила Мира, не поднимая головы.

— Не знаю, — сказал Кай. — Но я знаю, что система работает. Швы здоровы. Паразиты исчезли.

— А стражи?

— Стражи… — Кай помолчал. — Они всё ещё там. Всё

ещё контролируют швы. Всё ещё скрывают правду.

— И что мы будем делать?

Кай посмотрел на неё. На её лицо. На её глаза. На её упрямый подбородок.

— Мы будем менять это, — сказал он. — Медленно. Трудно. Но будем.

— Как?

— Не знаю. — Кай пожал плечами. — Но я знаю, что у нас есть время. Время, чтобы всё изменить. По-настоящему.

Лея подняла глаза от терминала.

— Ты думаешь, это возможно?

— Думаю. — Кай кивнул. — Если мы будем работать вместе. Если будем помогать друг другу. Если будем… семьёй.

Мира улыбнулась. Лея — тоже. Даже Векс, который обычно не улыбался, позволил себе что-то похожее на улыбку.

— Ладно, — сказала Лея. — Тогда начнём.

Вечером Кай пошёл в коллектор. К матери.

Она стояла у шва, как всегда. Смотрела на его линии. Но теперь в её глазах было что-то другое. Не усталость. Надежда.

— Ты сделал это, — сказала она. — Я почувствовала. Система… ожила.

— Сделал. — Кай подошёл к ней. — Но не один.

— Знаю. — Ирма улыбнулась. — Ты никогда не был один. Даже когда я ушла.

Кай молчал. Он смотрел на мать. На её усталое лицо. На её глаза. И чувствовал: что-то изменилось. Не в мире. В нём.

— Я хочу, чтобы ты вернулась, — сказал он.

— Я не могу. — Ирма покачала головой. — Шов не отпускает. Я нужна ему.

— Тогда я буду приходить. — Кай взял её за руку. — Каждый день. Пока ты не сможешь уйти.

Ирма посмотрела на него. Долго. Потом улыбнулась — по-настоящему.

— Хорошо, — сказала она. — Приходи.

Ночью Кай сидел у окна. Смотрел на город. На огни Верхнего кольца. На тьму Нижнего. И думал.

Он думал о том, что сделал. О том, что перезапустил ядро. О том, что вылечил систему. О том, что дал миру шанс.

Он думал о том, что будет дальше. О том, что стражи всё ещё там. Что Фронт всё ещё там. Что операторов всё ещё убивают. Что мир всё ещё сломан.

Но он также думал о том, что теперь у него есть время. Время, чтобы всё изменить. По-настоящему.

Он думал о Мире. О Лее. О матери. О Вексе. Обо всех, кто был с ним. Обо всех, кто помогал ему.

И он думал о себе. О том, что он может. О том, что он должен.

Терминал пискнул. Кай взял его. На экране было сообщение:

«Полный доступ подтверждён. Следующая фаза: контроль».

Кай уставился на экран. Потом посмотрел на Миру. На Лею. На город за окном.

Он не знал, что это значит. Но он знал, что это только начало.

И он был готов.

Глава 10. Следующая фаза

Ночью Кай не спал.

Сообщение на терминале не выходило из головы. «Полный доступ подтверждён. Следующая фаза: контроль». Он перечитал его десятки раз, пытаясь найти скрытый смысл, но слова оставались теми же. Простыми. Прямыми. И от этого ещё более тревожными.

Он сидел у окна, смотрел на город и думал. Сеть пульсировала вокруг него — ровно, спокойно, как здоровое сердце. Швы были на месте. Узлы светились. Паразиты исчезли. Система работала.

Но что-то было не так.

Кай чувствовал это — смутно, на грани восприятия. Как будто в комнате кто-то стоял за спиной. Как будто в коде была строка, которую он не видел. Что-то маленькое. Незаметное. Но важное.

Он закрыл глаза. Коснулся сети вниманием — глубже, чем обычно. Не просто скользнул по поверхности, а погрузился. Как в воду. Как в код.

И увидел.

В сети был новый узел. Маленький. Тихий. Он пульсировал в такт с чем-то другим — не с ядром, не с швами. С чем-то, что было глубже. Старше. Как будто под всей сетью был ещё один слой. Ещё одна структура. Ещё одна система.

Кай открыл глаза. Нахмурился.

— Что это? — сказал он вслух.

— Ты о чём? — Мира появилась в дверях. Растрёпанная, в пижаме, с карандашом в волосах. — Опять не спал?

— Спал. — Кай посмотрел на неё. — Просто… что-то изменилось.

— Что?

— Не знаю. — Он покачал головой. — Пока не знаю.

Мира подошла. Села рядом. Взяла его за руку. Её пальцы были тёплыми.

— Ты пугаешь меня, — сказала она тихо. — Когда ты так говоришь.

— Я не хочу тебя пугать.

— Знаю. — Она помолчала. — Но ты пугаешь.

Кай посмотрел на неё. На её лицо. На её глаза. На её упрямый подбородок. И почувствовал: что-то сжимается внутри. Не страх. Что-то другое. Как будто часть его самого исчезла — и он не знал, вернётся ли она.

Лея вернулась к обеду. Она выглядела усталой — сильнее, чем обычно, — и в её глазах было что-то, чего Кай не видел раньше. Тревога. Настоящая. Глубокая.

— Плохие новости, — сказала она, садясь за стол. — Я была в архиве. Проверяла записи о швах.

— И что?

— Кто-то их меняет. — Лея открыла терминал, показа-

ла ему экран. — Смотри. Вот запись о шве на вокзале. Три дня назад он был отмечен как «стабильный». Вчера — как «нестабильный». Сегодня — как «утраченный».

Кай нахмурился.

— Утраченный?

— Это значит, что его больше нет. — Лея помолчала. — Или что кто-то сделал так, чтобы его не было.

Кай почувствовал, как холодок пробегает по спине.

— Кто?

— Не знаю. — Лея покачала головой. — Но это кто-то из системы. Кто-то, у кого есть доступ к записям. Кто-то, кто хочет, чтобы швы исчезли.

Кай молчал. Он думал о новом узле, который чувствовал в сети. О том, что кто-то — или что-то — меняет записи. О том, что это значит.

— Нам нужно проверить, — сказал он. — Найти этот шов. Посмотреть, что с ним.

— Это опасно, — сказала Лея. — Если кто-то стирает швы — он может стирать и тех, кто их трогает.

— Знаю. — Кай посмотрел на неё. — Но если мы не проверим — мы не узнаем, что происходит.

Лея помолчала. Потом кивнула.

— Ладно. Но я пойду с тобой.

— И я, — сказала Мира.

Кай посмотрел на них. На Лею. На Миру. На двух людей, которые были готовы идти с ним в неизвестность.

— Хорошо, — сказал он. — Идём.

Старый вокзал выглядел иначе. Раньше он был просто заброшенным — серым, пустым, с просевшей крышей и выбитыми окнами. Теперь он был… мёртвым. Не просто пустым — мёртвым. Как будто кто-то выпил из него всю жизнь. Стены были серыми, как пепел. Пол — сухим, как кость. Воздух — неподвижным, как в склепе.

Кай стоял у входа и чувствовал: шва нет. Того самого шва, который он открывал, в который входил, который трогал. Его не было. Совсем. Как будто его никогда не существовало.

— Здесь, — сказал он тихо. — Шов был здесь.

— Был? — Лея подошла. — Ты уверен?

— Уверен. — Кай закрыл глаза. Коснулся сети вниманием. — Его нет. Совсем. Как будто кто-то вырезал его. Вырвал с корнем.

— Кто мог это сделать?

— Не знаю. — Кай открыл глаза. — Но это не Векс. Не стражи. Это кто-то другой. Кто-то, кто знает, что делает.

Он шагнул внутрь. Прошёл через зал ожидания — пустой, тихий, с мусором на полу. Спустился по лестнице. Коридор был таким же — бетонным, тёмным, с капающей водой. Но что-то изменилось. Воздух стал плотнее. Тяжелее. Как будто кто-то набил его ватой.

Кай дошёл до тупика. Стена была на месте. Трещины не было.

Он стоял и смотрел на неё. На гладкий бетон. На пустоту. И чувствовал, как что-то сжимается внутри. Не страх. Что-то другое. Как будто часть его самого исчезла.

— Кай, — Мира подошла сзади. — Что это значит?

— Это значит, что кто-то стирает швы, — сказал он. — И делает это очень хорошо.

— Зачем?

— Не знаю. — Кай повернулся. — Но я собираюсь выяснить.

Они вышли из вокзала. На улице было всё так же тихо. Слишком тихо. Как будто кто-то выключил звук.

Кай остановился. Посмотрел на небо. На серые тучи. На бледное солнце.

И почувствовал: что-то идёт. Что-то большое. Что-то, что уже здесь.

Он не знал, что это. Но он знал, что это только начало.

Глава 11. Тот, кто стирает

Они вернулись в квартиру Леи к вечеру. Кай сел на диван, снял куртку и уставился в стену. В голове было пусто. Не потому, что он не думал. Потому что думал слишком много — и мысли не складывались в слова.

Лея села в кресло. Мира — на пол, скрестив ноги. Все молчали. Тишина была густой, как сироп.

Первой заговорила Лея.

— Я проверила архивы. Все, до которых смогла добраться. — Она открыла терминал. — За последние три недели исчезло семь швов. Семь. Это не случайность. Это… кампания.

— Кампания? — Кай поднял глаза.

— Кто-то методично стирает швы. Один за другим. Начиная с окраин. — Лея показала ему карту. На ней были отмечены точки — там, где раньше были швы. Теперь они были пусты. — Смотри. Сначала — вокзал. Потом — коллектор на Граничной. Потом — старый госпиталь. Все — на периферии. Все — маленькие. Никто не замечает, пока не станет слишком поздно.

— Кто это делает?

— Не знаю. — Лея покачала головой. — Но это кто-то из системы. Кто-то, у кого есть доступ к записям. Кто-то, кто знает, как работают швы.

Кай молчал. Он думал о новом узле, который чувствовал в сети. О том, что кто-то — или что-то — меняет записи. О том, что это значит.

— Есть ещё кое-что, — сказала Лея. — Я проверила записи о твоей матери.

Кай напрягся.

— Что?

— Она была оператором. Как ты. Как я. — Лея помолчала. — И она не умерла. Она… исчезла.

Кай почувствовал, как земля уходит из-под ног.

— Что ты сказала?

— Твоя мать была оператором. Как ты. Как я. — Лея помолчала. — И она исчезла, когда тебе было пять. Официально — погибла при пожаре. Но запись о пожаре… странная. Неполная. Как будто кто-то её подчистил.

Кай молчал. Он не помнил свою мать. Совсем. Только смутное ощущение тепла. Голос. Запах. Что-то, что было и исчезло.

— Почему ты мне это говоришь? — спросил он тихо.

— Потому что это связано. — Лея подошла к нему. — Твоя мать исчезла. Потом исчезли другие операторы. Один за другим. А теперь кто-то стирает швы. Кто-то, кто знает, что делает.

— Ты думаешь, это она?

— Не знаю. — Лея покачала головой. — Но я думаю, что нам нужно проверить. Пока не стало поздно.

Кай молчал. Он думал о матери. О той, которую не помнил. О той, которая исчезла. Добровольно. Чтобы найти ответы.

— Я хочу найти её, — сказал он.

— Кого?

— Мать. — Кай посмотрел на неё. — Если она жива — я хочу её найти.

Лея помолчала. Потом кивнула.

— Хорошо. Я помогу.

Орден появился на пороге квартиры Леи на рассвете — как всегда, без предупреждения. Он выглядел хуже, чем обычно: лицо серое, руки трясутся, в глазах — что-то, чего Кай не видел раньше. Страх.

— Мне нужно с тобой поговорить, — сказал он, глядя на Кая. — Наедине.

Лея хотела возразить, но Кай покачал головой. Он вышел с Орденом на лестничную площадку. Дверь закрылась.

— Что случилось? — спросил Кай.

— Я нашёл кое-что. — Орден достал из кармана старый блокнот — тот самый, который давал Каю. — В своих записях. То, что я забыл. То, что я… — Он замолчал.

— Что?

— Твоя мать. — Орден посмотрел на него. — Я знал её.

Кай замер.

— Что?

— Я знал её. Она была оператором. Одной из лучших. — Орден помолчал. — И она была моей ученицей.

Кай почувствовал, как что-то сжимается в груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.